

Survival Strategies in the Third Reich in the Memoirs of German Jewesses

A. M. Ermakov¹

¹The Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinskiy, 108/1 Republican str., Yaroslavl 150000, Russian Federation

Research Article

The article deals with life conditions and survival strategies of German Jewesses, forced into illegality in Nazi Germany. The sources of analysis are memoirs of Jewish young women survived in the territory of Germany at the time of Holocaust. It is proved that the preconditions of successful resisting Nazi terror were such personal qualities of the young women as courage, ingenuity, will to live, ability to adjust quickly to unusual situations as well as their high level of education, availability of wide network of non-Jewish social connections.

Keywords: Third Reich; anti-Semitism; genocide; Holocaust; deportation; survival strategies

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ermakov Alexander M. | E-mail: a.ermakov@yspu.org
| Doctor of Sciences in History, Professor

Стратегии выживания в Третьем рейхе в воспоминаниях немецких евреек

А. М. Ермаков¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

УДК 373+374
Научная статья

В статье рассматриваются условия жизни немецких евреек, перешедших в нацистской Германии на нелегальное положение. Источниками для анализа являются воспоминания еврейских девушек, выживших во время Холокоста. Доказано, что предпосылками успешного противостояния нацистскому террору были такие личностные качества девушек, как смелость, находчивость, воля к жизни, умение быстро приспосабливаться к нестандартным ситуациям, а также высокий уровень образования и наличие широкой сети социальных связей в нееврейской среде.

Ключевые слова: Третий рейх; антисемитизм; геноцид; Холокост; депортация; стратегии выживания

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ермаков Александр Михайлович. | E-mail: a.ermakov@yspu.org
| Доктор исторических наук, профессор

К моменту прихода Адольфа Гитлера к власти в Германии проживало около 525 тысяч евреев (0,75 % населения), которые исповедовали иудаизм, и неизвестное количество евреев, принявших христианство и потому не охваченных статистикой [1, с. 133]. Часть их эмигрировала, часть погибла от рук штурмовиков и гестаповцев в самой Германии, 134 тысячи были депортированы в гетто и лагеря смерти на Востоке. По подсчетам исследователей, на территории Германии Холокост пережили 5–7 тысяч евреев, которые состояли в браке с «арийскими» гражданами, жили по подложным документам или ушли в подполье, спрятались от властей [2, с. 261]. От 1 700 до 2 000 из них скрывались в Берлине [3, с. 155].

В 1933–1945 гг. в Третьем рейхе было издано около 2 000 антиеврейских законов и рас-

поряжений. Германия, по словам ушедшей в подполье Марии Яловиц Симон, превратилась из страны Иоганна Вольфганга Гете и Иоганна Себастьяна Баха в другую страну – страну Гитлера [4, с. 397]. Многие скрывавшиеся евреи попали в руки гестапо и погибли в силу доверчивости, неосторожности, нервных срывов, отсутствия жилья, документов, денег, продовольственных карточек, доносов «арийских» соседей и знакомых, деятельности агентов гестапо, завербованных в еврейской среде.

Большинство евреев, скрывавшихся от властей, ушли в подполье во второй половине 1942 г., когда депортации на Восток приобрели массовый характер и пришла уверенность в том, что «переселение», «релокация», «переезд», «смена жилья», «путешествие» на деле означают уничтожение. Оставшиеся

в Германии еврейки несли те же тяготы войны, что и немецкое население: стояли в очередях за продовольствием, страдали от нехватки топлива, пищи, особенно витаминов и жиров, подвергались опасности воздушных налетов и хронически недосыпали из-за постоянных бомбардировок. Нелегальное положение порождало ряд дополнительных проблем: острую нехватку денег ввиду отсутствия стабильного заработка, отсутствие продуктовых и иных карточек, ограниченные возможности пользования транспортом и бомбоубежищами, неудобство перемещения из страха перед проверками документов. Спаслись в таких условиях могли только те, кто обладал смелостью, находчивостью, хладнокровием и выработал успешную стратегию выживания.

Некоторые выжившие в подполье немецкие еврейки оставили воспоминания, позволяющие реконструировать условия их жизни на нелегальном положении и стратегии выживания, принесшие им успех в борьбе с нацистским аппаратом террора. Одной из них, Труде Симонсон, удалось продержаться в подполье лишь пару месяцев, другие оставались нераскрытыми более двух лет. К моменту прекращения легальной жизни самой старшей из них, Эдит Хан, было 28 лет, а самая младшая, Ханни Леви, еще не достигла 19-летия. Их воспоминания стали доступны читателям спустя несколько десятилетий после Второй мировой войны, что связано с особенностями процесса «преодоления прошлого» в Германии. Самая ранняя публикация относится к концу 1970-х гг. Она принадлежит берлинской еврейке Инге Дойчкрон, которая после войны переехала в Израиль и работала журналисткой [5]. Т. Симонсон впервые выступила перед учащимися в 1978 г. и с тех пор постоянно рассказывала о своей судьбе в школах, университетах, церковных общинах, профсоюзных группах, архивах [6, с. 144]. Мария Симон диктовала свои воспоминания на магнитофон в 1997–1998 г., будучи смертельно больной, по настоянию сына. Ее книга увидела свет только в 2014 г. Также, уступив уговорам дочери, рассказала о своей судьбе и Эдит Хан. Ее книга была опубликована в 1999 г. В ней она отмечала, что «старалась забыть прошлое

и не мучить новые поколения своими грустными воспоминаниями» [7, с. 3]. Эдит Эрбрих выступала в немецких школах как современница событий с 2001 г., а книгу опубликовала в 2014 г. Лило Гюнцлер впервые выступила с публичным рассказом о своей судьбе в 2005 г., опубликовать биографию решила в 2008 г. До этого времени она соблюдала «неписанный закон молчания» и не рассказывала ничего даже мужу. Так же молчали ее родители и брат [8, с. 213]. Новые публикации воспоминаний еврейских девушек, спрятавшихся от нацистов, публикуются в Германии до сих пор [9].

Слухи о предстоящей депортации немецких евреев в Польшу распространились летом 1941 г. «Тогда мы еще не знали, что ждет евреев в Польше, но догадывались, что ничего хорошего, – рассказывает Э. Хан. – Мы думали, что Польша – это что-то вроде пустоши, которую немцы решили колонизировать, подчинив себе местных крестьян». Девушка предполагала, что в Польше придется прислуживать немецким колонистам: мыть посуду и полы, утюжить одежду. В конце года до Эдит дошли слухи о том, что нацисты убивают умственно отсталых, сумасшедших и престарелых с помощью газа, чтобы «очистить» расу. Но подобные сведения считались «перебором», «чьими-то выдумками». Доверие вызывала лишь информация о высокой смертности евреев в гетто и концентрационных лагерях. Этих сведений оказалось достаточно, чтобы Эдит в июне 1942 г. перешла на нелегальное положение [7, с. 87, 109–110]. Когда в октябре 1941 г. нацисты отправили первый транспорт из Берлина «на Восток», лишь немногие, и среди них М. Симон, были уверены в том, что депортация означает смерть. Уверенность окрепла после того, как от тети перестали поступать какие-либо известия. «Зимой 1941/42 годов надвигалась угроза, которая все больше затягивалась на моей шее, как петля. Я боялась. Точнее говоря, страх овладел мной. Я хотела спастись, но не знала как», – вспоминает она [4, с. 75, 86–87].

Желание некоторых сильных духом евреев спрятаться от властей окрепло тогда, когда стало известно, что депортация из Германии «на Восток» означает смерть. Источ-

никами информации о действительной судьбе тех, кто явился для отправки «на работы», стали солдаты-отпускники и сообщения британского радио. Семья Л. Гюнцлер получила сведения о судьбе польских евреев еще летом 1941 г., когда в отпуск с фронта приехал их сосед Зеппель Циглер. На вопрос отца Лило, «что они там делают с евреями», Зеппель ответил: «Я едва ли в состоянии это рассказывать. Они заставляют польских евреев копать себе могилы. Мужчин, женщин, стариков и дряхлых женщин и даже детей. Те, кто делает это – это не люди». Солдат посоветовал семье Гюнцлеров уехать из Франкфурта в деревню, где их никто не знает, а лучше всего – покинуть Германию [10, с. 65].

Инга Дойчкрон вспоминает, что впервые услышала о газовых камерах и расстрелах по Би-би-си в ноябре 1942 г. Сначала она не поверила британскому радио, но в то же самое время с Востока вернулся «соседский Фриц», молодой солдат, который по секрету сообщил, «что там делают с евреями» [5, с. 104, 108]. Э. Хан узнала о лагерях смерти Майданек и Аушвиц зимой 1945 г. из обращения Томаса Манна, которое транслировала Би-би-си [7, с. 240–241].

Еще до полного ухода на нелегальное положение девушки научились быстро избавляться от желтой звезды на одежде, которую они были обязаны постоянно носить с 19 сентября 1941 г., и также быстро водворять ее на прежнее место несколькими стежками. Некоторые боялись, что власти запланировали «стихийную» реакцию населения на звезды; без звезды они могли пользоваться общественным транспортом наравне с «арийцами», а не только для поездок на работу, совершать покупки в любых магазинах и в любое время, сдавать в стирку белье, посещать концерты, театры и кино [5, с. 85]. Для избавления от звезды использовались проходные подъезды домов, потому что выйти из квартиры и вернуться в нее нужно было со звездой во избежание доноса [4, с. 86]. Э. Хан решила избавиться от звезды, когда в июне 1942 г. узнала о депортациях евреев на Восток. Она выполнила задуманное в поезде, идущем из Ашерслебена в Вену: «Примерно через час после отправления поезда я отправилась в туалет. Бормоча извинения, я пробралась мимо

полицейских. Звезда была прикрыта плащом и сумкой. В туалете я разорвала нитки и кинула нашивку в сумку» [7, с. 126]. Эдит Эрбрих, первые сознательные воспоминания которой относятся к зиме 1941/42 гг., вспоминает, что мать постоянно повторяла ей: «Не забудь звезду!». Когда Эдит вместе с сестрой ходила за углем, рассыпанным возле магазина, они снимали звезды и убирали в карман. «Сегодня у нас не хватило бы на это смелости, – пишет она. – Тогда мы уже знали, что нам нельзя снимать звезды с пальто, мать постоянно повторяла нам это. Если мы куда-то выходили, то это всегда означало, что надо быть осторожными. Но к этому времени мы уже не появлялись на улице так часто, а просто погулять мы не выходили вообще» [8, с. 26].

Упоминания об избавлении от звезды встречаются и в других воспоминаниях. Л. Гюнцлер рассказывает, что во время бомбардировки Франкфурта 18 марта 1944 г. семье пришлось перейти в бомбоубежище, предназначенное для «арийцев» и отец, немец по национальности, сорвал с ее брата Гельмута звезду, «иначе он не пережил бы эту ночь. В этом убежище его линчевали бы, ведь пропаганда возлагала на евреев ответственность за все, в том числе за бомбардировки» [10, с. 128]. Даже непрочно пришитая звезда таила в себе опасности. Гестаповцы на улицах останавливали евреев и при помощи карандаша проверяли, достаточно ли прочно пришита звезда. Если им казалось, что нашивка держится плохо, несчастный попадал в концлагерь. Будучи свидетельницей таких проверок, И. Дойчкрон избавлялась от звезды другим способом: «Я сделала то, что впоследствии делала сотни раз. В пустом подъезде я сняла пальто со звездой и надела жакет без звезды, который носила в сумке. Затея была рискованная <...> Пальто на жакет я меняла много раз <...> Уловка с переменной одеждой отнюдь не была простой и легкой. Сперва нужно было отыскать место, где можно снять одежду со звездой и надеть что-то другое. Разумеется, выйти в пальто без звезды из дома, где тебя хорошо знают, я не могла. Как не могла и вернуться без звезды в этот дом». Опасны были и встречи с евреями, которые здоровались и подходили поговорить, не заметив отсут-

ствие звезды. В этом случае Инга не отвечала на приветствие и как можно скорей проходила мимо [5, с. 85].

Все еврейские девушки пытались обзавестись новыми документами – фиктивными или фальшивыми. Одни обращались за помощью к евреям, которые промышляли изготовлением фальшивых документов, другие пользовались почтовым удостоверением. Получить документ можно было у почтальона по месту жительства за пачку сигарет. Фотография клеивалась настоящая, а фамилия и имя указывались вымышленные [4, с. 138].

И. Дойчкрон, которая пряталась от гестапо более двух лет, пользовалась подлинными продуктовыми карточками, удостоверениями сотрудницы различных фирм и трудовой книжкой. Но все документы были фиктивными, купленными у владельцев или полученными в официальных инстанциях обманным путем [5, с. 113, 166].

В июле 1942 г. Э. Хан получила от своей «арийской» подруги Кристль Деннер подлинники документов – свидетельства о рождении, крещении и продовольственную карточку. В полиции Кристль заявила об утрате документов и получила копии. Так как все немецкие женщины должны были зарегистрироваться на бирже труда и «двойники» с одинаковыми именами и датами рождения были бы сразу выявлены, Эдит устроилась на работу медсестрой Германского Красного Креста (они не подлежали регистрации). Оформить себе карточку на покупку одежды она не могла по той же причине: владельцы карточек вносились в общегерманский регистр [7, с. 147].

Не раз приходилось пользоваться сомнительными документами и М. Симон. Сначала ей пожертвовала свое удостоверение личности подруга Иоганна Кох. Так как Марии было тогда 20 лет, а Иоганне 37, то на удостоверении пришлось не только переклеить фотографию, но и исправить год рождения с 1905 на 1915. С этим паспортом и фальшивым путевым предписанием вермахта ей удалось из Берлина через Вену и Загреб добраться до Болгарии. Хорватский чиновник заметил, что военное предписание фальшивое, но выписал визу [4, с. 139].

Т. Симонсон после побега из концлагеря в начале 1945 г. оказалась в группе из десяти еврейских девушек, таких же беглянок, двигавшихся в потоке беженцев по Силезии. Девушки заранее договорились отвечать на вопросы о багаже и документах, что они потеряны во время бегства. В одном населенном пункте самая энергичная участница группы, Эльвира, отправилась к обер-бургомистру, чтобы получить жилье для всех десяти человек. «Он заявил: “Вы еврейка. Я укажу на Вас, на Вас и Ваших подруг. Я прикажу вас расстрелять”. Однако потом передумал, ведь было начало 1945 года. И сделал прямо противоположное тому, что обещал Эльвире. Он выдал ей удостоверение: “Отряд из 10 девушек со старшей отряда. Прошу позаботиться о расквартировании и снабжении”. С печатью, подписью и всякой всячиной. С этой бумажонкой мы двинулись дальше. Мы приходили к обер-бургомистру деревни, и он давал нам место в пустующих домах или сараях». С этим удостоверением девушки успешно прошли одну гестаповскую проверку и были разоблачены только тогда, когда Эльвира попыталась через знакомого солдата получить фальшивое удостоверение для себя одной. В гестапо Труде язвительно сказали: «Если бы Ваша подруга не была такой легкомысленной, Вы спокойно дождались бы здесь конца войны» [6, с. 89, 97].

Девушки старались проявлять осторожность, когда приходилось вступать в любые разговоры с немцами. «Я притворялась арийкой, а значит, я должна была общаться с нацистами и нацистками, – вспоминала Э. Хан. – Да, к партии принадлежали не все, но для меня все они были нацистами. В моей ситуации делать различия между ними <...> было бы глупо и опасно: “хорошие” легко могли сдать меня, а “плохие” – спасти мне жизнь» [7, с. 207]. Ушедшие в подполье еврейки не проявляли страха или возмущения, если слышали заявления о том, что «евреев, этих иуд, нужно всех убить», старались контролировать не только свою речь, но и мимику и жесты, а если сдержат волнение не удавалось – различными способами переключали внимание собеседника [4, с. 12]. Порой они общались с немцами, едва сдерживая саркастические комментарии.

Т. Симонсон помнит свою беседу с убежденным нацистом – генерал-лейтенантом медицинской службы вермахта. «Как Вы относитесь к евреям? Вы ненавидите евреев?» – спросила я его однажды. – «Ненавидеть? Я вообще ни к кому не испытываю ненависти. Я ведь врач, естествоиспытатель. Но евреи? Я вообще не знал бы, о чем с ними говорить». – «Знал бы ты, с кем разговариваешь», – подумала я» [6, с. 96]. Сохранять спокойствие в подобных ситуациях стоило больших трудов [5, с. 164].

Все девушки – авторы воспоминаний – были студентками университетов или выпускницами гимназий. В подполье им часто приходилось жить и зарабатывать на жизнь среди простых и малообразованных людей. Они овладевали их языком (например, в рабочих кварталах германской столицы нужно было изъясняться на берлинском диалекте, чтобы не вызывать подозрений) и всячески скрывали свой интеллект. Э. Хан вспоминает, что в бытность медсестрой Германского Красного Креста ей пришлось ухаживать за крупным немецким промышленником. В одном из диалогов она потеряла бдительность и невольно выдала себя. «А вы не такая уж простая девушка, – сказал собеседник, – вы весьма умная женщина. Где вы учились?» Я вся напряглась. Во рту пересохло <...> Я чуть не выдала себя. Самое небольшое проявление воспитанного ума – знание литературы или истории в объеме, недоступном обычной австрийке – могло выдать меня столь же верно, как обрезание у мужчин. По пути домой <...> я в миллиардный раз повторяла себе, что нужно быть осторожной, что я должна прятать свой интеллект, что нужно молчать и казаться глупой» [7, с. 12–13].

М. Симон рассказывает, что однажды в разговоре с немецкими случайными собеседниками она заговорила о «Критике чистого разума» И. Канта и сразу получила замечание от подруги. Позднее Марии пришлось в течение нескольких дней общаться с венгерским офицером, тот подметил разницу между высоким уровнем ее образования и затруднительным материальным положением и решил навести справки. Девушку спас только внезапный отъезд офицера на фронт. В тре-

тий раз она вызвала подозрения женщины-библиотекаря, заметившей, что Мария интересуется книгами Теодора Фонтане. Испугавшись доноса в гестапо, девушка больше не появлялась в библиотеке [4, с. 117–118, 153–154, 289].

Как показывает анализ воспоминаний «спрятавшихся» еврейских девушек, нередкими были попытки спастись с помощью настоящего или фиктивного брака с «арийцем» или иностранцем [5, с. 47]. М. Симон сначала попыталась заключить фиктивный брак с китайцем Шу Ка Лингом, но назначенная им цена – 40 тысяч марок – была ей не по карману. Предложение китайца вступить в настоящий брак тоже не было реализовано – германские власти не дали своего разрешения, несмотря на предъявленную фиктивную справку о беременности Марии. Из-за доноса закончилась провалом и новая попытка, когда избранником Марии стал болгарский рабочий Димитр Чакалов. Хотя болгарин вызывал у нее антипатию, девушка в первые полдня знакомства добилась от него согласия на помолвку и выезд в Болгарию [4, с. 100, 120].

Э. Хан любила мужа, немца Вернера Феттера, но главную роль в ее решении сочетаться браком играла не любовь, а мотив самосохранения: «Я понимала, что с Вернером я буду в безопасности – я стану достойной домохозяйкой, женой члена партии и сотрудника компании, которая производила самолеты, сбрасывающие на Лондон бомбы. Вернер был не последним человеком. Ему доверяли, на него полагались. Конечно, быть женой такого человека гораздо безопаснее, чем быть одной» [7, с. 172].

Если для получения хотя бы временного убежища требовался сексуальный контакт с хозяином жилья, некоторые девушки шли на это, преследуя единственную цель – выжить [4, с. 13, 116, 166]. Они были вынуждены втридорога платить за жилье и терпеть капризы квартирных хозяев, подстраиваться под их образ жизни и привычки. «Мне нужно быть осторожной и молниеносно приспосабливаться к привычкам людей, которые меня принимают. Я зависела от помощи и не могла никого раздражать», – замечает М. Симон [4, с. 113].

Постоянной заботой девушек, находившихся на нелегальном положении, были поиски пропитания. В воспоминаниях не раз встречаются контрастные описания «здоровых, сытых, розовощеких немцев» [7, с. 149], продуктовый рацион которых до самого конца войны оставался хорошим, и собственного голода, который молодые еврейки не могли утолить годами. «Мы просто не понимали, как люди могли жаловаться на скудость пайков, – рассказывает И. Дойчкрон, вспоминая конец апреля 1945 г. – Для нас это было даже много, по сравнению с тем, чем мы располагали все эти годы» [5, с. 183]. Очень часто они пользовались деньгами, продуктами карточками или продовольствием «арийских» друзей или тратили средства, полученные от продажи семейного имущества. Так как эти источники приобретения продуктов были недостаточными, то девушки искали и находили другие способы прокормиться. Так, Э. Хан знакомилась на улице с молодыми немецкими солдатами-отпускниками и посещала с ними кафе. «Я была рада каждому лишнему бутерброду и пирожному», – рассказывает она. На таких встречах она старалась как можно меньше говорить и больше слушать, что было нетрудно. Если солдат предлагал встретиться еще раз, то Эдит соглашалась, но никогда не приходила на свидание [7, с. 153]. И. Дойчкрон вместе со своей матерью собирала грибы, которые составляли значительную долю их рациона. Она пишет: «Для нас осень была лучшим временем года, потому что мы почти каждый день собирали грибы в ближайшем лесочке. Грибы были не только вкусные, но и питательные» [5, с. 147, 156].

Евреи не могли купить специальный талон, без которого пребывание в лесу было смертельно опасным для них. «Дезертиров и спрятавшихся евреев, у которых не было продуктовых карточек, справедливо подозревали в том, что они собирают ягоды и грибы в лесу. Многие лесники устраивали облавы на людей без *Sammelschein* – письменного разрешения на сбор – в надежде положить к ногам своего любимого фюрера их отсеченные головы», – рассказывает М. Симон [4, с. 330].

Все авторы воспоминаний сообщают, что внешне не походили на представителей своей нации, какими их представляла нацистская пропаганда. Только Ханни Леви пришлось сразу же после ухода на нелегальное положение обесцветить волосы у знакомого парикмахера [9, с. 68]. «Арийская» внешность диктовала им одно из главных правил конспирации – ни при каких обстоятельствах не искать общения с другими «спрятавшимися», а при случайной встрече лишь обменяться быстрым взглядом и немедленно разойтись. М. Симон объясняла своей подруге: «Давай-ка будем отталкиваться от типичной карикатуры “Штюрмера” на еврея. Она имеет десять отличительных признаков: вьющиеся волосы, тучность, плоскостопие, огромный нос и так далее. Когда один человек имеет все эти признаки, то люди сразу подумают: это еврей. Но если еврей имеет только один из этих десяти отличительных признаков, то он совершенно не бросается в глаза в группе с девятью германскими типами. Но если десять евреев, каждый с одним таким отличительным признаком, сидят вместе, то это, несомненно, еврейская группа» [4, с. 206–207].

«Спрятавшиеся» подвергались постоянной опасности быть схваченными гестапо, которое завело специальную «картотеку беглецов» и использовало для поиска нелегалов еврейских шпииков. Шпиики неоднократно упоминаются в воспоминаниях как люди, встреча с которыми была чревата смертью [5, с. 137, 148]. В еврейской среде их называли *Greifer* – ловцами. М. Симон именно из-за боязни встретиться со шпииком отказалась посещать места, где встречались еврей-нелегалы для обмена новостями и товарами. «Мне нечего менять и продавать, и я не хочу никакого контакта с этими кружками. Это было бы против всяких правил конспирации», – считала она [4, с. 305].

Таким образом, выявленные в воспоминаниях способы выживания в подполье имели тем больше шансов на успех, чем больше шире был круг друзей и знакомых (не евреев), не боявшихся нацистского террора и готовых помочь с получением документов, предоставить жилье, поделиться деньгами и продовольствием. Многие авторы воспоминаний называют свое спасение чудом, потому

что очень многие немцы знали о них, но не доносили в гестапо или потому что им сопутствовало везение в безвыходных ситуациях. Успешные стратегии выживания удалось выработать тем девушкам, которые были хорошо образованы, отличались смелостью и находчивостью, умением молниеносно ориентироваться в нестандартных ситуа-

циях и приспосабливаться к меняющимся условиям.

Предпосылкой выживания стало несогласие многих немцев с антисемитской политикой гитлеровского режима, которое выражалось как в активной помощи преследуемым, так и в нежелании содействовать карательным органам нацистского государства.

Ссылки

1. Benz W. Geschichte des Dritten Reiches. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2000. 288 S.
2. Herzig A. Jüdische Geschichte in Deutschland. Von der Anfängen bis zur Gegenwart. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2007. 327 S.
3. Schieb B. Nachwort. Stille Helden // Räfte C. Die Unsichtbaren. Untertauchen, um zu überleben. München: Sandmann, 2017. S. 153–157.
4. Simon M. Untergetaucht. Eine junge Frau überlebt in Berlin 1940-1945. 2. Aufl. Frankfurt am Main: S. Fischer, 2014. 416 S.
5. Дойчкрон И. Я носила желтую звезду: Воспоминания. М.: Текст, 2001. 207 с.
6. Simonsohn T. Noch ein Glück. Erinnerungen. Göttingen: Wallstein Verlag, 2013. 152 S.
7. Беер Э. Х. Жена немецкого офицера. М.: АСТ, 2016. 304 с.
8. Erbrich E. Ich hab' das Lachen nicht verlernt. Neu-Isenburg: Edition momos Verlagsgesellschaft mbH, 2014. 115 S.
9. Lévy H. Nichts wie raus und durch! Lebens- und Überlebensgeschichte einer jüdischen Berliner. Berlin: Metropol Verlag, 2019. 192 S.
10. Günzler L. Endlich reden. 3. Aufl. Frankfurt am Main: Henrich Editionen, 2013. 226 S.